
ГЕТЕРОТОПИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

УДК: 008.2; 101.1

Скворцов Л.В.

ГЕТЕРОТОПИЯ: ЗАМЕЩЕНИЕ КОНЕЧНОЙ ЦЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ЭВОЛЮЦИИ^{1,2}

*Институт научной информации
по общественным наукам РАН
Москва, Россия, skvortsovcgsir@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется различие духовного формирования человека в структурах классических цивилизаций и в постцивилизационной ситуации, определяющей постоянное нахождение цивилизационной истины в «другом месте». Анализируется проблема цивилизационной истины России, находящейся между Западом и Востоком. Рассматривается феномен гетеротопии как концепции цивилизационного рассеяния, совпадающей с замещением конечной цели цивилизационной эволюции, с созданием эпистемических предпосылок разрушения цивилизационного разума и моральных универсалий как духовного фактора самосохранения человечества. Дается оценка рождения информационной картины цивилизационной реальности, ее воздействия на конструирование заданной иерархии фактов, их видение в соответствии с заранее заданными целями. Рассматриваются современные формы экстремизма, влияющего на формирование цивилизационного поведения личности.

Ключевые слова: гетеротопия; социальное пространство; экстремизм; саморазрушение; информация и культура.

Поступила: 15.01.2018

Принята к печати: 06.02.2018

¹ © Л.В. Скворцов, 2018

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-00025-ОГН «Гетеротопия: Цивилизационный контекст».

Skvortsov L.V.**Heterotopy: Replacement of the ultimate goal of civilization evolution***Institute of Scientific Information for Social Sciences of**the Russian Academy of Sciences**Moscow, Russia, skvortsovcgsir@mail.ru*

Abstract. The paper analyzes the difference between the spiritual development of human being within the structures of classical civilization and the situation of postcivilisation, where the truth always exists in «other place». The author analyzes the truth of the Russian civilization, with the country itself located between the West and the East. The paper considers the heterotopia phenomenon, presenting it as a conception of civilization dissimulation, which coincides with the replacement of the final goal of civilization evolution, with the creation of epistemic grounds for the destruction of Reason and moral universals as the spiritual factor for the self-preservation of Humankind. The paper evaluates the emergence of the information picture of civilization reality, its impact on the construal of the hierarchy of facts and their interpretation in accordance with the pre-set goals. The paper further considers different forms of extremism and their impact on the personality.

Keywords: heterotopia; social apace; extremism; selfdestruction; information and culture.

Received: 15.01.2018

Accepted: 06.02.2018

1. Феномен цивилизационного места:**«Аршином общим не измерить»**

Формирование классических цивилизаций органически связано с реальностью влияния на общность нравственного и правового поведения всей массы населения. Эта общность обеспечивается наличием *авторитетного источника*, определяющего истину максим цивилизационного поведения. Этот источник находится *вне*, в другом месте, так что индивид получает готовую духовную конструкцию, усваивает ее и рассматривает как основание для принятия решений во всем многообразии возникающих жизненных ситуаций.

Исторически возникли два типа духовных конструкций, обладающих реальным авторитетом для всего многообразия индивидуальных форм самосознания.

Во-первых, это *сакральный источник* нравственного и правового знания. Сакральное знание становится достоянием людей через посредство пророка, обладающего контактом с высшими силами и получающего от них сакральное знание, либо через по-

средство перевоплощения божественной сущности в человеческий облик, как это виделось в жизни и деяниях Иисуса Христа.

Во-вторых, это философское обоснование реальности вне персонального идеального мира как определяющей гармонию мироздания ума, *нуса*, *разума*, несущей в себе способность управления мирозданием. Это – Логос, который является знанием соединения в единое целое различий и противоположностей и обеспечивает восходящую духовную эволюцию человечества. Все разумное в жизни человечества получает свое конечное воплощение, так что индивидуальное сознание людей в своих свободных проявлениях реализует высший замысел логоса. Эти два типа духовных конструкций получали свою практическую реализацию во времена Средневековья и Нового времени.

И вместе с тем они были «преодолены» в эволюции человеческого самосознания. Эта эволюция обрела форму трезвого реалистического мышления, приходящего к заключению об *иллюзорном характере* высших сакральных и идеальных авторитетов. Они стали восприниматься как человеческие изобретения, не имеющие онтологической реальности.

Эта логика приводит к заключению, что реальностью обладает только индивидуальное сознание, которое и должно восприниматься как единственный источник нравственного и правового сознания.

Передислокация авторитета нравственного и правового знания в индивидуальное сознание имела свои драматические цивилизационные последствия.

Каждый индивид, полагающий себя нравственным авторитетом, считал *истинным* ситуационное поведение, соответствующее его интересам.

При этом оказывалось, что индивиды занимают разные социальные позиции, разное положение в обществе, так что истины их цивилизационного бытия оказывались различными. Индивид начинал строить свой цивилизационный мир в соответствии со своим представлением об истине бытия.

Индивид, занимающий высшее положение в государстве, видел истину бытия в создании превосходства своего государства над другими государствами, и для этого он должен подчинить цели своих сограждан общим государственным целям. Для этого он

должен обладать авторитетом *вождя*. Масса индивидов должна воспринять цели вождя как свою личную истину.

Это – характерная особенность постцивилизационной эволюции: истина бытия оказывается в другом месте.

Индивид узнает, что истина его бытия находится во власти вождя, который обладает статусом верховного судьи и исполнителя приговора, и вместе с тем его непосредственное ситуационное знание свидетельствует о том, что *истина его бытия находится здесь, при нем и при его семействе. Семейство всегда находится в определенном цивилизационном месте*. Но существует и другое цивилизационное место. Для правильного понимания другого места необходимо исходное определение своего *цивилизационного места*.

Определения цивилизационного места России сталкивались с проблемой: Россия находилась *между* – между Западом и Востоком, имевшими устоявшиеся представления о себе как *центре поднебесной* или носители идеи *безусловного превосходства* интеллектуального или *расового*.

Россия исторически не воспринимала таких цивилизационных ориентаций. Поэтому поэт и выразил эту духовную тенденцию русского самосознания: *Россию общим аршином не измерить*. Но это не значит, что у России отсутствовал общий исторически сложившийся тренд цивилизационной ориентации ее воли.

Этот тренд отчетливо прорисовывался в ее исторических противостояниях: татаро-монгольскому нашествию с Востока, нашествию с Запада – немецкого, шведского, французского и наконец европейского фашистского в двадцатом веке.

Если цивилизационная воля Востока и Запада направлялась на установление господства над другим, то доминирующий тренд цивилизационной воли России направлялся внутрь себя самой, на совершенствование себя, на превращение себя в несокрушимую силу и прежде всего в силу *духовную*.

Россию можно понять умом, если принять во внимание особенности ее исторического духовного формирования как цивилизационного целого.

Парадоксальным образом это внутреннее духовное формирование, как процесс совершенствования своего духа, позволило России превратиться в грандиозное географическое образование.

Так возникли два глобальных антипода с противоположной направленностью своей интегральной воли: Запад со своим стрем-

лением утверждения глобальной власти и Россия – оплот суверенной независимости и свободного развития.

Стремление Запада – это стремление довести цивилизационную эволюцию до своего *конца*, до единообразия, до *смерти* цивилизационной эволюции.

Стремление России – это утверждение бесконечности цивилизационной эволюции в бесконечном взаимодействии цивилизационных различий народов.

Поскольку в динамизме исторических ситуаций истина бытия выглядит как бесконечный процесс открытия и закрытия, где открытие истины вместе с тем означает и ее сокрытие, что определяется спецификой конкретной ситуации жизни, для которой истина носит ограниченный характер. Для другой ситуации раз открытая истина может стать заблуждением.

Для определения истины бытия в контексте глобализации ключевое значение имеет определение ее сущности: глобализация имеет целью утверждение гегемонии сильного или *взаимодействие* суверенных субъектов для развития и расцвета многообразия. Глобализация, таким образом, может стать двойственным процессом, открывающим его противоречивые свойства.

Адекватное понимание истины бытия, как кажется, может быть достигнуто в том случае, если будет правильно понято своеобразие того места, в котором человек реализует свою волю. Если обнаруживается не-истина воли и действия в данном историческом месте, то истину следует искать в *другом месте*. И важно уяснить, *какова природа этого другого места в контексте глобализации*.

В цивилизационной ситуации информационного общества человек постоянно погружается в сеть, так что он систематически меняет свое место. Это уже не место какой-то одной традиционной цивилизационной реальности, а множество цивилизационных мест. Цивилизация представляется мозаичной. Так что человек должен виртуально адаптироваться к этой мозаичной структуре. Перед ним постоянно возникает проблема другого места, как материального проявления иной истины бытия.

В этой цивилизационной ситуации в теоретической мысли наблюдается возросший интерес к концепции *гетеротопии*, выдвинутой французским теоретиком *Мишелем Фуко*.

Феномен гетеротопии, как его толкует М. Фуко, утверждается как явление, имеющее фундаментальное значение для легитимации принципиально нового методологического подхода к интерпретации исторического цивилизационного процесса.

Имплицитно исторический цивилизационный процесс воспринимается как общечеловеческое восхождение к конечной цели, к универсалиям доблести, определенным философской мыслью, к мудрости, здравомыслию, мужеству, справедливости, благочестию, реализуемым в современном обществе.

Гетеротопия свидетельствует об отсутствии такого восхождения. Гетеротопия – это основа множественности страт, требующих для своего истолкования членения и хронологической спецификации. И таким образом вместо непрерывной единой работы разума возникают *краткие очередности, восстающие против единого закона*. Принятие этой методологии делает легитимным понятие *прерывности*, которое должно теперь занять важнейшее место в исторических и гуманитарных дисциплинах. Фуко считал, что прерывность должна из препятствия исследования превратиться в *практику* и восприниматься как *необходимый концепт*. Так должна родиться *тотальная история*, которая видит мир в *виде расщеплений*.

Гетеротопия размещает массу людей в фиксируемые формы *расщепления*. Человек концептуально превращается в носителя качеств этих форм. Вместе с тем в системе отношений обнаруживаются формы, которые М. Фуко фиксировал применительно к безумию классической эпохи; для них характерно пересечение проявлений умственного заболевания и особенностей характера. С этим связана классификация отношений к Другому и Изгою, которая в современную эпоху переносится и на систему международных отношений.

Таким образом, коль скоро сакральные истины жизни и единая работа разума теряют свои позиции в определении мотивов истинного поведения человека, то массовое поведение должно обрести хаотичный характер.

На пути цивилизационного хаоса должна быть построена преграда. Этой преградой служит *закон*, который подкрепляется вездесущей полицейской силой.

Исторический опыт подтверждает истину античной философии: *как трудно стать хорошим человеком*, подняться до вершин

нравственной универсальности. Это относится и к системе международных отношений.

Вместе с тем при всех различиях, при всей исключительности индивидуальных форм цивилизационного поведения нельзя не видеть повторяемости типов этого поведения. И в этой повторяемости наблюдается влияние внутренней ценностной иерархии, определяющей мотивацию как индивидуальных, так и социальных форм человеческого поведения. Неспособность восприятия нравственных универсалий – это проявление неспособности восприятия универсалий человеческих реалий – реалий жизни и смерти. Иными словами, процесс повторяемости является процессом формирования человеческого объекта знания, который объединяет исторически возникающие различия феноменов жизни.

Если константность этих свойств не подлежит «разрыву», то она формирует и определяет мотивы и качества поведения человека. Человек мотивирует свое поведение самыми различными способами, чтобы создать ту сеть, на которой лично он сохраняет себя или возвышает свой статус. Объяснение его поведения требует обращения к знаниям лингвистики, этнологии, экономики, литературы и даже теории мифа.

Вместе с тем когда все человечество оказывается перед реальной угрозой *самодеструкции*, то массы людей независимо от их специфических особенностей будут проявлять идентичные тенденции поведения. Это значит, что существуют некие привилегированные типы исторической объективности, которые диктуют идентичные формы поведения людей.

Фуко, исходя из своей концепции рассеяния в качестве истины, утверждает противоположное заключение. Так, применительно к психиатрическому дискурсу XIX в. он делает вывод, что этот дискурс характеризуется не существованием какого-либо привилегированного объекта, а тем, как этот дискурс *формирует свои объекты*, которые при этом остаются рассеянными. Любой объект исследуемого дискурса обретает там свое место и законы своего появления [Фуко, 1996, с. 44].

Если, например, психиатрия XIX в. может что-то сказать о связях между семьей и преступностью, то она не воспроизводит взаимодействия действительной зависимости, а представляет все анализируемое пространство возможных описаний. Такой подход можно было считать продуктивным по отношению к *гипотетиче-*

ской виртуальной реальности. Но вместе с тем происходит размывание границ между объективной истиной и многообразием фантазий медицинского текста.

Очевидно, что тем самым легализуется создание рассеянных «гетеротопий» медицинских текстов, как и гуманитарных текстов вообще. «Нами, – утверждал Фуко, – введено единство совершенно иного типа, способное свидетельствовать о совокупности объектов, для которых понятие психопатологии – не более чем просто мыслительная рубрика» [Фуко, 1996, с. 47].

Если иметь в виду возможность различной интерпретации исторических документов в силу их смысловой неоднозначности, то тогда и исторические факты можно рассматривать с позиций различных мыслительных рубрик.

Такой подход открывает по сути дела неограниченные возможности для «перелицовки» истории и исторических фактов и для всей системы глобальной информационной войны.

Фуко считает, что необходимо заменить реальность сокровенных сокровищ вещей дискурсом, регулярной формой объектов.

В современной ситуации используется практика формирования дискурсивных объектов, которые создают видимость объективности информации путем организации многоголосия поддержки средств массовой информации. Многоголосие дискурсивных объектов рассматривается как компенсаторная замена эксперимента.

Эксперимент дает *фактическое подтверждение* истинности или ложности представления. В области цивилизационного знания фактическое подтверждение может быть амбивалентным. Так, например, первоначальные безусловные успехи политики Адольфа Гитлера, такие как присоединение Австрии, вторжение в Чехословакию, оккупация Франции, победы на различных фронтах военных действий могли восприниматься как фактическое подтверждение адекватности нацистской геополитики.

Аналогичным образом могло обстоять дело с апробацией военных действий Японии в акватории Тихого океана и в регионах Юго-Восточной Азии. Очевидно, что целый ряд европейских стран восприняли идеологию нацизма и стали союзниками фашистской Германии в агрессии против Советского Союза. Как относиться к такого рода подтверждениям «правильности» доктрин, которые в своей моральной внутренней сущности являются ложными? Как можно противодействовать такого рода ложным док-

тринам, если они имеют лежащее на поверхности эмпирическое подтверждение своей «успешности»? Адекватность или неадекватность цивилизационных доктрин определяется по их соответствию или несоответствию *исходному началу цивилизационного бытия*. Исходное начало – это тот принцип, от реализации которого во всех формах образа жизни зависит продолжение жизни или исчезновение человеческого рода, сохранение или деструкция оснований цивилизационного бытия.

То, что относится к эмпирическому подтверждению, относится к какой-то части, а не к целому. Критерий истины в конечном счете относится к *целому*.

Цивилизационное целое недоступно отдельному эмпирическому знанию. Чтобы иметь представление о нем, нужно его представить в адекватной форме. Как определяется эта форма? Логические рассуждения о целом дают противоречивые результаты. Это обнаружили уже античные философы. Так, Аристотель определял целое как то, в чем ничего не отсутствует, к целому относится то, вне которого не находится ни одна из его частей. Целое и совершенное близки по значению, но ничто не может быть совершенным, не имея конца [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, с. 280]. Парменид считал, что есть только одно – сущее, то что есть и больше ничего *согласно логосу*, но множество существует *согласно чувственному восприятию* [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, с. 279].

Космос как универсум есть все, но как совершенное целое он должен быть завершенным целым, т.е. иметь свои границы. Логика и чувственное восприятие вещей расходятся в толковании целостности мира.

Пифагор пытался соединить воедино спекулятивное и эмпирическое в суждении «Числу все вещи подобны» [Фрагменты ранних греческих философов, 1989, с. 149]. Но такие подобия требуют воображения.

Исходное воображение – это определенная картина. Эпоха Средневековья создала картину мира как целого, сакрализовала ее с помощью логических и эстетических средств, добываясь синхронизации цивилизационного сознания и поведения людей.

Такие картины входили в состав религиозных верований. Это те образы, на которые должен ориентироваться человек, чтобы стать продуктивной составной частью цивилизационного мира, в

котором он родился и жил. Философы двадцатого века пытались осмыслить формы восприятия мира как целого и определить их значение как специфического *знания*.

М. Хайдеггер, например, говорит об античной и средневековой картинах мира, требуя осмысления и новоевропейской картины мира. На вопрос, что означает картина мира, Хайдеггер говорит со всей определенностью, что там, где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он поэтому хочет представить перед собой.

Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины. Мир формируется картиной. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего [Хайдеггер, 1993, с. 49].

Если представленность сущего совпадает с сохранностью цивилизационной гармонии и продуктивностью взаимодействия цивилизационных субъектов, то воспринимаемая картина цивилизационного мира воспринимается как жизнь разума. Это философское видение совпадает с адекватным видением целого глобальной цивилизации. Оно и становится критерием истины цивилизационной практики.

В ситуации информационного общества положение дел изменяется. Информация превращается в сконцентрированную реальность, оказывающую определяющее влияние на общественное мнение. Картина мира подвергается рассеиванию в бесконечном плюрализме информационно представляемых ситуаций.

Цивилизационное мышление становится ситуационным. Вопросы судьбы человека и человечества исчезают из концептуального философского рассмотрения.

Место философа, носителя картины мира, занимает профессионал, обладающий знанием возможностей информации и техническими средствами ее распространения. Он видит свою задачу в том, чтобы продать свое ремесло, т.е. создать информационную реальность, в которой нуждается заказчик.

Окружающая человека действительность становится информационной. Он сам обретает свой информационный эквивалент, как и окружающие его другие превращаются в информационных персонажей.

2. Информационная картина реальности как другое место истины бытия

Создание и распространение нужной информации – это не только торговая реклама, но и ключевой фактор большой политики наряду с экономическими факторами. В условиях информационного общества картина мира как мира господства разума вытесняется *информационным построением* текущей цивилизационной жизни, не совпадающим ни с примитивным идеологическим сервильизмом, ни с простым угодничеством власти. Информационное построение претендует на видимость объективизма, без которого информационная активность не может претендовать на эффективность своей деятельности.

Если человек считает себя и свою жизнь находящимися в информационном универсуме, то тогда реальный универсум оказывается для него фантомной реальностью, картина которой может считаться сновидением.

В информационном космосе можно выбрать любую картину мира, как реальную ориентацию жизни. Любая картина будет определяться информационными объективностями, их убедительностью. В результате происходит массовое нарушение синхронизации цивилизационного поведения. Это и есть разрушение разума.

Фред Адамс, сотрудник кафедры лингвистики и когнитивной науки университета штата Делавер (США), считает информацию естественно возникающим продуктом, который существует независимо от ума, создается и передается в соответствии с регулярностью происходящих событий [Adams, 2010, p. 331–334].

Информационный поток – это подлинная реальность, определяющая характер и динамику поведения людей. Их можно сделать счастливыми и несчастными в реалиях информационного универсума.

Почему это становится возможным? Это становится возможным в силу «четвертой революции», концепцию которой предложил Лучиано Флориди.

Если аграрное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество изменяют явления природы и технологию материального производства, то в результате «четвертой революции» изменяется не природа и технология производства, а когнитивный образ человека как партнера взаимодействия.

С одной стороны, в итоге «четвертой революции» человек получает для себя искусственного «спутника жизни», постоянного партнера в виде компьютера, робота, смартфона и т.д., без которых он уже не мыслит свое полноценное существование. С другой стороны, человек в информационных сетях создает свой искусственный дубликат.

Возникает качественно новая структура коммуникаций между живым человеком и его искусственным партнерским окружением. Поскольку эта форма коммуникации приобретает все более массовый характер, она оказывает воздействие на изменение характера социальной психологии: она воспринимает в качестве нормы *одностороннюю полезность* отношений.

Сам человек оказывается перед проблемой: что относить к своей *подлинности* – свою физическую и духовную реальность, как она есть, или тот искусственный образ, который формируется всей совокупностью информационных средств. Человек видит себя и либо утверждает: «Это я», либо задается вопросом: «Я ли это на самом деле?»

Однозначность самосознания исчезает в колебаниях и сомнениях: феномен раздвоения личности обретает все более глубокий и массовый характер.

Человек становится неожиданным для своего социального окружения.

Погружаясь в информационный космос, человек как бы заново начинает свое цивилизационное самоформирование и свою новую жизнь.

Не случайным был вопрос, который задавал Лучиано Флориди и на который обратил особое внимание Фред Адамс: «Может ли информация быть *натурализованной*?»

Положительный ответ на этот вопрос означает, что информация может действовать на человека независимо от его сознания. Соответственно, мыслительная деятельность человека может создавать, кодировать и распространять информацию, которая будет действовать так, как действует информация в естественных событиях. Коль скоро информация превращается в естественный продукт, она начинает играть посредствующую роль между человеком и миром, роль *моста*, на котором формируется истина субъект-объектной реальности. Эта реальность сближает и даже идентифицирует активность человека с естественным процессом.

Профессионально организованный вброс информации может заставить людей вести себя так, как себя ведут антилопы.

Фред Адамс приводил пример с деревьями, которые используют информацию относительно сокращения количества получаемого солнечного света для прекращения роста и сброса листвы. Информационное влияние здесь происходит при отсутствии фактора сознания. Еще более разительный пример – это поедание антилопой куду верхушек акации. Это поедание вызывает значительное увеличение выхода фенольных соединений, танина, который разносится ветром и отталкивает антилоп от кустов акаций.

Акация остается такой, какой она была, т.е. съедобной. Но активный выход танина заставляет антилоп считать, что она перестала быть съедобной. Здесь мы имеем дело с объективной реальностью (выход танина), которая вводит в заблуждение.

Таким образом, раскрывается информационный механизм манипулирования поведением.

Этот механизм все более активно используется в современных скрытых информационных противостояниях.

Конструирование нужной информационной реальности может создавать желаемый эффект с помощью одного громкого факта, способного вызвать международный резонанс.

Конструирование информации с заранее заданными целями формирует своеобразную структуру *иерархии* фактов и новое их видение в соответствии с задачами изменения цивилизационной ситуации.

Профессиональное использование механизмов конструирования информации на основе иерархии фактов может вызывать глубокие изменения в действующих социальных системах, порождая все более заметные тенденции вступления современного мира в постцивилизационную стадию разрушения разума.

3. Экстремизм:

Движение к постцивилизационным реалиям

Разрушение разума влечет за собой качественно новое толкование достоинства личности. Достоинство личности определяется самопониманием высшего смысла и высшей цели бытия, стоящих над повседневностью сложившегося общественного порядка,

неспособного к разрешению существующих общественных противоречий. В разрушении разума находятся корни феномена экстремизма.

Экстремизм это не теоретическая нетерпимость вообще и применение насилия вообще, а такая нетерпимость и такие применения насилия, которые выходят за пределы легитимного порядка, установленного в данном обществе.

Цивилизационная тенденция, легализующая свободу всех, что считается логичным следствием истинной демократии, влечет за собой глубинное изменение массового индивидуального самосознания. Происходит десакрализация общих социальных истин. Смещение структур истины цивилизационного поведения из ареалов сакральной и интеллигибельной сфер в сознание реального индивида имеет свои неожиданные последствия. Индивид становится верховным судьей окружающего его цивилизационного мира и исполнителем приговора. В окружающем его мире он видит явления, которые мешают ему нормально жить, вызывая константное раздражение, которое накапливается с годами и детерминирует нелегитимные экстремальные формы его мышления и поведения. Индивид с годами превращается в скрытый цивилизационный вулкан, извержение которого обнаруживает ту нравственную лаву, которая крушит все на своем пути.

Так возникают индивиды-экстремалы, поведение которых не укладывается в традиционные рамки и ставит в тупик тех, кто пытается дать осмысленное объяснение их поведения. Это объяснение обычно принимает стандартные формы: либо индивид страдает психическим расстройством, либо он принадлежит к преступному экстремистскому политическому движению.

Характерно в этом отношении событие, которое произошло 2 октября 2017 г. в Лас-Вегасе. 64-летний пенсионер Стивен Пэудок поселился в отеле-казино «Мандалай-Бэй», рядом с которым проходил музыкальный фестиваль. На нем присутствовало более 22 тысяч человек.

Стивен Пэдуок собрал в своем номере целый арсенал оружия и начал стрельбу по участникам фестиваля с 32-го этажа отеля. В итоге были убиты 58 человек и ранены 515. Бесспорно – это событие в ряду других аналогичных событий в экономически благополучной стране – Соединенных Штатах Америки, таких как гибель 20 детей в возрасте от пяти до 10 лет и шести взрослых

14 декабря 2012 г. в начальной школе «Сэнди-Хук» Ньютауна или гибель 49 человек в клубе для людей с нетрадиционной ориентацией 12 июня 2016 г. в Орланди.

Хотя террористические организации, такие как ИГИЛ, подчас объявляют индивидуальных экстремистов членами своего движения, однако очевидны различия мотивов экстремистского поведения. Члены ИГИЛ считают себя носителями конфессиональной истины и уполномоченными устранить из жизни носителей духовного заблуждения. Это – мотив из цивилизационного прошлого. Мотив же пенсионера Стивена Пэудок скорее всего из постцивилизационного будущего. Стивен Пэудок хотел уменьшить население земли с тем, чтобы расширить для себя пространство, в котором он мог бы свободно самореализоваться. Невыполнимость этой задачи и осознание этого факта имели свои последствия: когда бойцы американского спецназа ворвались в номер Стивена Пэудок, он был уже мертв.

Феномен экстремизма традиционно связывается с политической активностью, отклоняющейся от ее легитимных конституционных форм.

Вместе с тем очевидно, что в различных формах данных видов экстремизма общим является *готовность использовать любые, самые крайние средства для достижения успеха в самореализации*. Предполагается самореализация в мыслимой высшей точке социального бытия.

Конструирование информационной иерархии фактов перемещает истину в *высшую точку бытия, из которой окружающая реальность представляется ничтожной*. Неистинная ничтожная в своей сущности реальность предназначается для устранения.

Это – субъективный духовный процесс, который может восприниматься как директива практического поведения.

Практическое поведение может реализовываться в двух основных формах.

Во-первых, практическое устранение может превращаться в теоретическое разоблачение, публичное обнаружение «неистинности» окружающего бытия. Теоретическое разоблачение – это исходная предпосылка изменения типа поведения, перехода на «истинные» позиции.

Во-вторых, устранение может обретать форму тотального уничтожения носителя «неистинного» бытия. Субъектом такого устранения может быть государственная власть, имеющая легальные,

установленные законом механизмы применения насилия, вплоть до применения смертной казни. Эту власть может взять в свои руки путем государственного переворота *нелегитимный субъект*.

Государственная власть в этом случае становится на путь экстремизма во внутренней политике.

Постцивилизационная эволюция рождает тип экстремизма, который выражается в том, что *субъект готов принять в качестве истины любые воззрения*, если такое принятие служит достижению его целей. Это – форма морального, или точнее, – *аморального экстремизма*.

Эрозия традиционных форм цивилизационной жизни, формирование искусственного образа личности на основе современных информационных технологий, порождает явление *раздвоения личности, эрозии однозначности самосознания*.

Информационное регулирование форм повседневного поведения сужает пространство свободной самореализации личности. Возникает негативная психологическая реакция на нормы жизни, на ее однотипный характер. Человек придумывает для себя искусственные крайности бытия. Самореализация личности обретает экстремальные формы. Феномен экстремизма становится привычным как *форма самоутверждения* неопределенной в своей внутренней сущности личности. Она проявляется в скрытом самовозвышении над окружающим миром. Это самовозвышение проявляется в экстремистском самоутверждении, подчас не имеющем позитивного смысла. Характерны в этом отношении формы экстремистского поведения отдельных личностей на современных автострадах, создающие условия дорожных катастроф.

Экстремальные формы поведения становятся своеобразной нормой свободного времяпровождения.

Непредсказуемый характер приобретают и формы межличностных, в том числе и семейных, отношений.

В силу внутренней раздвоенности цельность личности определяется *потенциальностью чувства превосходства*, которое скрыто и не имеет под собой реальных оснований. Между тем оно может «выстрелить» в самой неожиданной ситуации.

Эта особенность постцивилизационной личности синхронно совпадает с особенностями социальной психологии.

Следует иметь в виду, что речь идет о *трендах*, т.е. глубинных скрытых течениях, как течение лавы под вулканами. Точно

сказать нельзя, где и когда лава прорвется на поверхность. Так обстоит дело и с трендами постцивилизационной эволюции жизни.

В реальных межгосударственных отношениях доминируют национальные интересы. В условиях постцивилизационной эволюции они могут приобретать экстремальные формы.

Экстремизм представляет огромную опасность в своих *массовых* выражениях. Но очевидно, что он становится массовым явлением тогда, когда превращается в истинный мотив поведения отдельных субъектов.

Феномен материализации экстремистской информации обеспечивает ее эффективное влияние на самосознание человека, заставляя его действовать, исключив собственный разум из структуры принятия решений. Для этого используются средства пропаганды, изолирующей человека от альтернативных источников знания и информации.

Человек в Интернете становится массовым явлением. Находясь в информационном поле, человек обнаруживает, что *он может создавать свой внутренний образ в соответствии со своим свободным выбором*, т.е. быть «все» и «ничем», создать свой константный образ, полагая его идеальным для себя, соответствующим своим внутренним убеждениям. Он может менять свои убеждения в зависимости от изменения жизненной ситуации, т.е. быть мировоззренческим хамелеоном. Так, например, в 90-е годы написание новых собственных автобиографий приобрело массовый характер.

Это явление можно рассматривать как изменение человеком своего социального пространства и времени в виртуальной реальности информационного универсума.

Человек присваивает себе социальный статус, взятый из исторической реальности прошлого времени. Бывший советский человек становится дворянином, графом или даже князем, получает имитации государственных наград того времени и подтверждающие документы. Тем самым происходит изменение внутреннего мира человека, его самопонимания, выливающееся в соответствующие формы внешнего поведения.

Эту ситуацию концептуально описал М. Хайдеггер. Определяющее для существа Нового времени скрещивание обоих процессов, превращения мира *в картину* и человека *в субъект*, заодно бросает свет и на, казалось бы, чуть ли не абсурдный, но коренной

процесс новоевропейской истории; чем шире и радикальнее человек распоряжается покоренным миром, чем субъективнее, т.е. наступательнее выдвигает себя субъект, тем неудержимее наблюдение мира и наука о мире превращаются в науку о человеке, в антропологию [Хайдеггер, 1993, с. 51].

Экстремизм изменения внутренней сущности человека становится нормой. Он питает как социальные сдвиги, так и оранжевые революции.

Двойственность личности делает загадкой политическую позицию героя. Кем был Усама бен Ладен, агентом ЦРУ или великим исламским террористом? Имел ли он устойчивую внутреннюю сущность или мог быть *всяким*?

Эрозия исходных религиозных и идеологических истин, рожающая духовную свободу человека, и отсутствие конечных абсолютных истин в научном знании создают качественно новую ситуацию переоценки смыслов.

4. Постцивилизационное конструирование

Двадцатый век заявил о себе как эпоха глобальных проектов. Наступает качественно новая эпоха реализации в мире универсальных идей, нивелирующих значение исторического образования цивилизаций с их локальной спецификой.

Исходное основание процесса глобального конструирования универсальной цивилизации – это уверенность в том, что цивилизационная истина является продуктом отрицания не-истины исторического творчества предшествующих поколений.

Политическая практика двадцатого века поставила перед цивилизационной теорией вопрос: как возможна истина цивилизационной конструкции? Не является ли любая конструкция продуктом *субъективного желания*? Если она всего лишь субъективное желание или его продукт, то она обречена на поражение. Не об этом ли свидетельствует исторический опыт XX столетия?

Из этого опыта следует, что, конечно, создатель новой цивилизационной конструкции, будь то всемирный коммунизм или господство в мире какой-то одной высшей расы, должен учитывать объективные условия: позволяют ли они практически реализовать принцип «от каждого по способности, каждому по потреб-

ности», или эта цель недостижима, учитывая ограниченность ресурсов Земли?

Аналогичным образом следует ответить на вопрос: реалистично ли стремление утвердить во всем мире господство *одной расы*. Такое стремление закономерно вызывает отпор иных рас, а вместе с тем и перманентную войну в мире. Поскольку идея господства в мире одной расы сохраняет свою притягательную силу, сохраняется и перманентный потенциал войны в современном мире.

Очевидно, что создание *реалистической* глобальной конструкции должно учитывать своеобразие объективных цивилизационных условий, сущности желаний субъекта конструирования и возможности превращения глобальной конструкции в планетарное явление.

Современная глобальная конструкция опирается на *информационное* представление о глобальном противнике, победа над которым открывает путь к глобальному господству.

Можно допустить, что верховная власть страны, претендующая на управление миром, объявляет своим противником номер один другую страну, обладающую ракетно-ядерным потенциалом, приведение в действие которого может уничтожить страну, претендующую на мировую гегемонию. Специальные службы узнают, что страна-гегемон разработала план термоядерной войны против своего противника номер один и готова привести его в действие в ближайшей перспективе. Специальные службы добывают эту информацию и сообщают ее верховному главнокомандующему страны – противника номер один государства-гегемона.

Какое решение на основе этой информации должен принять верховный главнокомандующий?

С информационной точки зрения он должен принять решение о нанесении упреждающего термоядерного удара, который в конечном счете приведет к гибели глобальной цивилизации. С точки зрения сущности мировой культуры, конечная цель которой – сохранение и развитие мировой цивилизации, такое решение *невозможно*. Культура нацелена на определение правильного отношения к сохранению констант цивилизации, т.е. на *вечность*.

Информация нацелена на правильность *ситуационного поведения*. С точки зрения информационной нанесение упреждающего термоядерного удара по создателям плана нападения на страну в ближайшей перспективе является правильным решением.

Какую из этих позиций можно признать объективно истинной? Каждая из них может быть признана истинной и ложной одновременно: нельзя пассивно ожидать термоядерной агрессии, но нельзя допускать и самоубийства глобальной цивилизации. Обнаружение невозможности правильного решения в критической ситуации означает, что сознание человека отправляется в «свободное плавание».

В этой ситуации концепция гетеротопии начинает получать плюралистическую расшифровку бытия.

Так, например, тезис Хейзинга об игровом характере культуры трактуется как аналогия гетеротопии. Акт игры требует собственного пространства и времени, создает магический круг пространственной обособленности, фундаментальное разделение между теми, кто внутри, и теми, кто за пределами. Гетеротопия понимается как убежище, как святая земля, приют безопасности, в оппозиции которой находится концентрационный лагерь [Масталерж, 2012, с. 38].

Вместе с тем гетеротопия может восприниматься не только как альтернативное пространство, но и как пространство посредничества или праздничное пространство [Масталерж, 2012, с. 37]. Здесь лежит объяснение своеобразия современного массового поведения. Сознание масс невольно уходит в фантастический мир.

Возможность решения цивилизационной проблемы возникает тогда, когда субъект осуществляет перевоплощение.

Такое перевоплощение открывает путь к сотрудничеству.

Возможность перевоплощения определяется уровнем культуры цивилизационного субъекта. Это — специфический тип духовной культуры, которая считает победителем субъекта, обладающего *духовным превосходством*. Что происходит с критерием духовного превосходства в информационном обществе?

5. Что делает информация с культурой?

Духовная культура — это фактор универсальной воли человека к сохранению и продолжению человеческого рода, его восхождению к ценностям вечности и бесконечности жизни. Она рождает образ метафизической истины, превращающей живое существо в человека.

Одна из ключевых проблем информационного общества может быть сформулирована в виде вопроса: что делает информация с культурой? Или точнее: чем становится культура, превращаясь в информацию?

Самый общий ответ звучит так: культура становится моментом информационного поля: она выходит из своей этнической, национальной, социальной среды и попадает в универсальную информационную среду. Человек имеет систематический контакт с универсальной информационной средой, и это радикальным образом меняет тип его ментальности — как бессознательные, так и осознанные реакции на события. И это объясняет многое.

В традиционном обществе характер ментальности определяется господствующей религией или идеологией.

В информационном обществе религия и идеология превращаются в информацию.

Такое превращение влечет за собой драматические для них последствия. Религия и идеология, включенные в систему информации, становятся псевдорелигией и псевдоидеологией. Они превращаются в знание об определенной системе религиозных или идеологических воззрений. Это не то же самое, что значит соответствующая религиозная или идеологическая вера.

В этом контексте и возникает вопрос о специфике механизма действия информационного поля. Информационное поле оказывает нейтрализующее влияние на этнические, национальные социальные чувства, *сопровождая соответствующую веру, путем снятия с нее ореола абсолютной истины*. Информационное поле всеядно, оно принимает любую информацию. Многообразные абсолютные истины, оказавшиеся на одном информационном поле, все оказываются относительными. Именно глубинное чувство отнесенности и оказывается предпосылкой информационного мироощущения.

Информационное поле оказывается реальным феноменом, информационным фактом независимо от содержания. И это коренным образом изменяет характер его влияния на сознание человека.

С одной стороны, формируется «холодный человек» как жертва доминанты информационного воздействия, а с другой — как жертва восприятия в качестве истины жизни всего массива исторически возникших и сохранившихся в цивилизационной памяти духовных образований.

Информационное поле не имеет единой цели вне себя самого. Оно само по себе оказывается действующим феноменом. Это – знак его объективности.

Можно говорить об определенном сходстве воздействия информационного поля и рекламы. Разница, однако, состоит в том, что любая реклама содержит в себе заданную цель. Если цель не достигается, то реклама считается неудавшейся. Реклама в своей сущности *субъективна*.

Воздействие информационного поля объективно и не зависит от характера субъективных целей. Его влияние определяется заложенным в нем смыслом, содержанием, значимостью информации, с одной стороны, и спецификой социальной психологии людей, которые оказываются в его пространстве, – с другой. Любая информация становится объективным фактом реальной жизни.

Другой ключевой аспект воздействия информационного поля состоит в том, что оно действует в соответствии с заложенным в него семантическим смыслом. Если на пешеходном переходе вы видите красный сигнал светофора, *то останавливаетесь*, но не потому что *в красном свете содержится сигнал «Стои»*, а потому что создатели светофора *заложили этот смысл* в красный сигнал.

В системе общественных отношений и ритуалов объективно *действуют заложенные в них смыслы*. Это – специфический информационный мир.

Исходная истина массового поведения обретает форму *информации*.

Человек создает информацию. Однако для массы информация воспринимается как объективная реальность, наряду с такой реальностью, как реки, горы и моря.

Это создает уникальную ситуацию информационного общества: человек может формировать объективную картину бытия в форме информации. В ней может присутствовать информация о феномене духовного состояния, но в ней нет самого духовного состояния современного человека.

Любое мировоззрение, становясь частью информационного поля, становится его *объективным фактом*. Оно может воздействовать на человека так, как будто бы оно и есть реальность в своей сущности *равновеликая всякой иной реальности*.

В силу доминирования информационных полей возникает качественно новая духовная ситуация.

Информационное поле подчиняется законам сохранности духовных явлений. Если в науке сохранность идеи определяется ее истинностью и если будет доказана неистинность идеи, она «умрет» как реальность для научного сообщества, то в структуре информационного поля включенность в него, а значит – сохранность, определяется влиянием и новизной как специфической чертой информационной ценности, т.е. занимательностью.

Индивиды теперь узнают друг друга и определяют свое внутреннее тождество по типу общего информационного поля, в котором они находятся.

Это, во-первых, *вещная самоидентификация*, т.е. самоотождествление индивида с лучшими технологическими возможностями и товарами, произведенными в мире, – компьютерами, телевизорами, автомобилями, холодильными камерами, стиральными машинами, одеждой последней мировой моды и т.д. Во-вторых, это *информационная самоидентификация* как выбор знания, не зависящего от национальных, языковых и иных барьеров.

Наступает эпоха деструкции константных канонов. В различных сферах происходит рекомбинация эстетики и науки, и эта рекомбинация осуществляется в виртуальной реальности с помощью лазерной хирургии и компьютера. Такого рода рекомбинации можно рассматривать как особую стадию культуры. Выход из состояния духовного вакуума выглядит как перебор смыслов, которые в равной мере могут претендовать на подлинность, обнажая тем самым свою релятивность.

Информационное поле ставит все духовные образования прошлого и настоящего на одну общую информационную плоскость. Оно сообщает о их содержании, но не дает их оценки. Они предстают перед индивидуальным сознанием в виде сообщений, которые могут заинтересовать индивида, а могут и не заинтересовать его. В зависимости от этого индивид пробует на себе те или иные формы самоопределения либо отвергает их. Здесь критерием выступает он сам и его самочувствие. Это радикально меняет всю структуру социального самоопределения, которое раньше оттачивалось от общей признанной истины бытия. Влияние информационных полей ставит все явления культурной реальности рядом друг с другом, делая их потенциально равнозначными.

Духовный вакуум индивида, находящегося в структуре информационного поля, имеет две основные формы: внутренняя пустота,

отсутствие убеждений; плюрализм смыслов, каждый из которых при соответствующем осмыслении представляется ничтожным.

Этим объясняется плюралистический характер гетеротопии, нахождение смысла бытия в иных игровых ситуациях жизни, в ситуациях посредничества и праздничного пространства. Гетеротопии – это не просто дополнение к реальности жизни, а формы отталкивания от нее в поисках подлинности бытия.

Список литературы

- Масталерж Н.А.* Третье пространство. Общая теория гетеротопии Мишеля Де-хаана и Ливена де Каутера // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. – 2012. – № 3 (7). – С. 35–39.
- Фрагменты ранних греческих философов. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1. – 576 с.
- Фуко М.* Археология знания. – Киев: Ника-центр, 1996. – 208 с.
- Хайдеггер М.* Время и Бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
- Adams F.* Information and Knowledge a la Floridi // *Metaphilosophy*. – 2010. – Vol. 41, N 3, April. – P. 331–344.

References¹

- Mastalerzh N.A.: Tret'e prostranstvo. Obshhaja teorija geterotopii Mishelja Dehaana i Livena de Kautera. Vestnik SGASU. Gradostroitel'stvo i arhitektura. Vol. 3 (7), 35–39 (2012).
- Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Part 1. Nauka, Moscow (1989).
- Fuko M.: Arheologija znanija. Nika-centr, Kiev (1996).
- Hajdegger M.: Vremja i bytie. Respublika, Moscow (1993).
- Adams F.: Information and knowledge a la Floridi. *Metaphilosophy*. Vol. 41 (3), 331–344 (2010).

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле «American Psychological Association» (APA) 6th edition.